

1. Черная свадьба

Дождь прошел, и зеленые кроны,
как мохито со льдом, засверкали.
В этих кронах орали вороны,
будто черную свадьбу справляли.
В черных фраках, муаровых лентах
кавалеры, нет, кавалергарды:
крылья грузные – как эполеты,
клювы грозные – будто кокарды.
С белоснежным лицом юной гейши
и червями источенным телом,
улыбаясь улыбкой милейшей,
Смерть-невеста меж ними сидела.
И с улыбкою светлую тоже,
в твид двубортный и галстук одетый,
на атласном супружеском ложе
ждал жених ласки черной Одетты.

И слетела она не дурнушкой –
полногрудой японской голубкой.
И присела к нему на подушку,
распахнув черный хвост, будто юбку.
Музыканты играли Шопена.
Лабух плакал на черном кларнете.
Облаков белоснежная пена
оседала, и бегали дети.
Это было вчера на Стромынке,
у Бахрушинской, в самом начале.
Моцареллою свежей простынки
на поникших веревках рыдали.
И орали вороны, орали
что-то из миннезингерских арий
и, слетая на землю, клевали
тело голубя на тротуаре.

2. Падший ангел

Падший ангел сидит на скамейке весеннего парка.
За щекой карамель, а в глазах ледяная тоска.
Падший ангел снимает свой твидовый плащ – ему жарко,
плащ свой твидовый цвета морского с прибором песка.
И тогда на груди открывается страшная рана –
роза красная, rosa candida убитой любви.
И тогда извлекается жалкой рукой из кармана
бумазейный платок, весь в слезах и невинной крови.
Дворник с бляхою шаркает черной метлой по дорожкам,
подметает окурки раздумий, надежд и тревог.
Карапуз на коленях у няни, как будто на дрожках,
засыпает и видит, что он – это Бог.
Он стоит на вершине, вокруг него райские кущи,
где красивые птицы поют на семи языках.
Падший ангел подходит к нему, говоря: «Вездесущий,
ты прости меня, я так устал быть изгоем в веках».
И светлеет у ангела лик его темный с прыщами.
И прощает его тот, у чьих он склоняется ног,
и прощает его, и прощает его, и прощает,
и прощает его, ибо каждый прощающий – Бог.

И бегут они, мальчик и ангел, касаясь руками,
по лугам изумрудным, Элизиум смехом будя,
и резвятся они, и болтают друг с другом стихами –
падший ангел и ставшее Богом дитя.
И лежат облака перед ними, как в море атоллы,
облака грозовые, и где-то в Сантьяго дожди,
под навесом на сцене звучит «Либертанго» Пьяцоллы –
махаон перламутровый так и взлетел бы с груди.
Он взлетел бы! Но жизнь – это все-таки скучная проза.
Просыпается мальчик у няни, задумчив и тих.
На дорожке платок, на скамейке увядшая роза.
В небе серые голуби. Белого нет среди них.

3. Прощание с Мореллой

В этот час, когда веранды ресторанов
заполняются вечернею толпой,
и, как лебеди, кричат катамараны,
и о скалы разбивается прибой,
а на небе карлик солнце, багровея,
воспалется, как Полифема глаз,
отразивший алый мак в руке Морфея,
в этот поздний для прогулок, крайний час
ты идешь по пляжу босиком, Морелла,
беззаботное и смуглое дитя,
ветерок как будто лепит твоё тело,
мягко складками хитона шелестя.
И смолкают даже циники в буфете,
проводя взглядом твой наивный стан.
О Морелла, говорят, на белом свете
есть немало удивительнейших стран.
Вон стоит высокий лайнер у причала,
белоснежный, будто чайка на волне.
Он в Австралию отправится сначала
и, в конце концов, окажется на дне.
Осьминоги, каракатицы и скаты
станут жителями палуб и кают,
каулерпою покрытые канаты
задевая, как лианы, там и тут.

И над мачтой, где огонь святого Эльма
обещал спасенье и удачу впрок,
остановится, светясь, тараща бельма,
рыба-призрак, золотой опистопрокт.

Глазом сложным разглядит он в донном иле
руку милую, хватавшую консоль.

О Морелла! Это лучше, чем в могиле,
как забытая на почте бандероль...